

ЗАПАДНЫЙ ФОРПОСТ

Свободная газета

№ 3

август

2016

свободных поэтов

Андреаполь - Пено - Торонец

Нелидово - Белый

Ядовитая любовь

Ты – мой яд, отравы и блаженство,
Голод и мучительная страсть.
Ты – обычный, ты – не совершенство,
Только без тебя могу пропасть!

Горький дым зажжённой сигареты,
Только не моей и не твоей:
Кто-то бродит без меня по свету,
В поисках меня среди людей.

Я же очарована тобою,
Жгучий яд глотаю, словно мёд.
Что же делать мне с моей любовью?
Я не верю, что она пройдёт!

Ты любить, ей-Богу, не умеешь,
Твой костёр дымит, а не горит,
И в душе ты потихоньку тлеешь
Дымным чадом пройденных обид.

Я живу в любовной круговерти,
Вся насквозь пропитана тобой,
Понимая, что страшнее смерти
Эта ядовитая любовь!

*Раиса Маккар,
г. Торонец*

Чужая свадьба

В доме окна раскрыты настежь,
Льётся музыка, слышен смех.
Молодым там желают счастья,
Разливают вино на всех.
Произносят хвалу и тосты,
Восхищаются женихом,
О любви рассуждают просто,
Называют её грехом.
Август стелет туманом белым
Ложе мягкое на двоих
Поцелуем под «горько» смелым
Отвечает в пылу жених.
А невеста алее мака,
Под фатою скрывая взгляд,
В ярких вспышках цветов и лака
Демонстрирует свой наряд.
Свадьба пьёт, веселится, пляшет.
Ночь восторгов и звездопад...
А соседкина дочка Даша
Тихо плачет, забравшись в сад.

*Наталья Шабанова
г. Андреаполь*

Тверская делегация художников: Лилия Степанян (Тверь), Полина Иванова (Пено), Алёна Лапина (Калезин).

На «Тавриде»

Недавно студентка четвёртого курса Тверского художественного колледжа имени А. Г. Венецианова Полина Иванова (пос. Пено) вернулась со Всероссийского молодёжного образовательного форума «Таврида», проходившего в Крыму с 1 июля по 24 августа. За неделю пребывания на форуме (а именно столько длилась смена «Молодые художники, скульпторы и искусствоведы») Полина узнала для себя много нового и интересного, получив массу ярких впечатлений. Ими она поделилась с Форпостом:

– О «Тавриде», куда съезжаются тысячи молодых талантливых людей со всей страны, мне рассказали друзья из колледжа. Это очень меня заинтересовало, потому что я никогда не была на таком масштабном творческом форуме, да ещё и в Крыму, где я также ещё не бывала.

Я зарегистрировалась на сайте «Тавриды» и отправила заявку на участие ещё весной. Мне пришли задания, которые я выполнила и отправила на конкурс. Очень обрадовалась, когда в июне мне пришло приглашение. Я лечу на «Тавриду»! Надо заметить, что участие в форуме полностью бесплатное. В указанный день в «Шереметьево» нас ждали волонтеры, которые нам помогли.

График оказался очень плотным, но все мероприятия были грамотно спланированы. Я никогда не думала, что можно столько всего успевать за день! Лекции проводили: писатель, бессменный ведущий программы «Умники и умницы» «на Первом» Ю. Вяземский, председатель Союза художников России А. Ковальчук, куратор и арт-критик А. Джеуза и другие знаменитые профессора, искусствоведы и преподаватели. Темы их выступлений были различными. Например, «Традиционное искусство в России и современность», «История Contemporary art* в России». Мы задавали экспертам вопросы, показывали им свои портфолио. Обсуждение касалось

действительно важных вещей. Выступающие не стеснялись говорить о проблемах в арт-среде.

На мастер-классах мы вместе с выдающимися преподавателями и заслуженными художниками России писали морские пейзажи, рисовали психологические портреты, обжигали скульптуру, делали слепки собственных рук и многое-многое другое! Было здорово поработать под их руководством и перенять опыт.

Несмотря на загруженность, усталости не чувствовалось. Было ещё полно энергии на активный отдых. Форум не только оправдал мои ожидания, но и во многом превзошёл их! Как говорят на «Тавриде» – это место возможностей. Полностью согласна. Отдельно хотелось бы отметить высокий уровень организации форума.

А замечательные местные люди очень приветливы готовы помочь всем и каждому. Ребята приехали из разных уголков России, и было здорово видеть разнообразие культур огромной страны. Теперь у меня есть друзья из Иркутска, Уфы и даже из Бурятии!

Очень радует, что форум помогает расти и развиваться именно людям творческим. Искренне надеюсь, что у меня будет возможность еще раз попасть на «Тавриду» и вновь пережить эти незабываемые ощущения!

Виктор Королёв

г. Белый

Виктор Королёв — член Союза писателей России, поэт, автор поэтических сборников.

Родился 19 мая 1974 года в деревне Рыжково Бельского района Тверской области, где проживает до сих пор. Окончил Бельскую среднюю школу, а затем Бельское ПТУ по специальности тракторист-машинист широкого профиля. По окончании срочной службы в РА работал в Бельском Лесничестве.

Стихи Виктор начал писать еще в школе: его первая публикация была в седьмом классе в городской газете «Бельская правда». С 1996 года начал регулярно печататься в различных альманахах, газетах и журналах Тверской, Московской и Новосибирской областей. Кроме того, Виктор Королёв – автор-исполнитель собственных песен. Также его стихи положены на музыку и исполняются известным тверским певцом и композитором Владимиром Межаниным. Учителем, наставником и другом поэта был член Союза писателей России Валентин Николаевич Штубов.

О ТВОРЧЕСТВЕ

Кропать стишки – нетрудные делишки.

Творить стихи – нелёгкие дела.

Сметает вихрь картонные домишки.

Пред солнечной стеною никнет мгла.

В чём суть наивных этих аллегорий,

Поймёт любой, кто свету друг и брат:

Лучи души летят навстречу горю.

Его они в конце концов срывают.

*Я – мыслю!
Значит, существую.
И только чувствую,
Живу.
И с лютой смерти поцелуем
Уйду я в неба синеву.
Нет! Не умру я –
Ни в какую!
Лишь растворюсь
В извечном сне.
Ведь мыслю –
Значит, существую.
Вновь оживу
В земле-траве.
Нехитро, может быть,
Банально,
Но здесь премудрость не нужна.
Что после жизни-сна –
Не тайна! –
Не избежать иного сна!*

*Сел на крышу месяц золотой.
Это я вздохнувшим сердцем вижу.
И земле от света надо мной
Стала высь небесная поближе.*

*О, прекрасная девушка Лето!
Иван-чаевая коса.
Улыбаешься ласковым светом...
Незабудковые глаза.
Твои губы – созревшие вишни,
Поцелуй – с ароматом цветов.
Заливаешься утренняя тишьню
Переключкою петухов.
...А в лесу под корнями берёзы
Укрывается маленький гриб,
И трепещут зелёные косы
У черёмух, рябин и у лип.
Ненаглядная девушка Лето!
Иван-чаевая коса.
О, как светятся ласковым светом
Незабудковые глаза...*

РОССИИ

*Россия, ты – душа моя.
Нетленен дух любви безбрежной.
Пусть манят дальние края,
Но их сильнее свет твой нежный.
Россия, ты – родная мать.
Я это знаю с колыбели.
Люблю я думать и мечтать
Зимой под песнь твоей метели.
Россия – мой всевышний Бог.
В тебе живёт печаль Иисуса.
Я – пилигрим твоих дорог.
И боль твоя – мне не обуза.
Ты – песнь моих неспетых слов,
Источник вечных вдохновений,
Основа ставших явью снов
И зов небесных откровений.
Не молкнет пусть твоя душа
Как лира, волны, гусли, ветер.
Я внемлю ей, едва дыша,
Дыханьем этим слабым светел.*

*Вот – перешла тишина
В птичьи недобрые звуки.
Жизнь – как из камня стена:
Лезешь – срываются руки.
Жар обжигает меня,
Холод врывается в душу.
Ветер бушует, звеня...
Боже, неужто я трушу?!

*Вина чувств в душе бродили.
В сердце – радуга сияла.
В этой жизни все любили –
Кто-то много,
Кто-то мало.
С соловьями запевали
И вздыхали с ветром в поле.
И цвели, и отцветали...
Свет – блаженство,
Сумрак боли.
В голове блуждали мысли –
Мчались в дали за мечтами.
Все достойны в этой жизни
Лишь чего достигли сами!
Словно в сердце волки выли,
А в душе сова кричала.
Все мы в этой жизни жили:
Кто-то много,
Кто-то мало!

*На старом плаще заплатки,
И ветер в карманах свистит.
Я в завтра смотрю без оглядки,
А что-то о прошлом грустит.
И ветер любой мне попутен,
И старый мой плащ – паруса.
Пусть все говорят:
- Он беспутен!
Но ведь говорят за глаза.
...Ношусь буйной мыслью по свету,
Реальность другую ищу,
Бросаю на счастье монету,
Лечу мотыльком на свечу!
Как радостно!
Путь мой – не узок.
Дорогу уступит мне рок.
Да! Были и будут безумцы.
И мало им старых дорог.*

ВЕРБНАЯ ГРУСТЬ

*Сколько сказок, преданий, предвестий
В этом кратком названии «Русь».
В нём – раздолья распевная песня
И какая-то вербная грусть.
Этой сладостной грустью я болен.
Ах! Она и во многих сердцах,
И в молчанье живёт колоколен,
И таится в могильных крестах.
Есть она в косяке журавлином.
Есть она в ликование ворон.
Есть она во сказанье былинном.
Есть она среди берёзовых крон.
Ею воздух российский просторен,
Ею светится в речке вода.
Ею светится русское горе,
И оно потому – не беда!*

Общая боль

«Мой город охрип от молитв»

Эту небольшую книжечку в 109 страниц густо полила слезами, как ни старалась их сдерживать. Кто ж удержится, читая такое:

– Папа, меня убьют,
Как маму утром убили?
Вновь минометы бьют,
По городу рыщут мины...

Взяла её всего на день, чтобы через районную газету порекомендовать читателям нашего города. Раскрыла, чтобы бегло ознакомиться с содержанием, а уж потом, когда закончу с необходимыми срочными делами, сяду писать, – и застряла, пока не перевернула последнюю страницу.

Сборник «Мой город охрип от молитв», изданный ровно год назад в Донецке, привез с Грушинского фестиваля андреапольский поэт и автор песен Владимир Юринов. Там она была представлена этим летом. Оставляя её у себя было просто грешно, книга требовала представить себя как можно более широкому кругу, и Владимир подарил её андреапольской библиотеке. Читателям нашей газеты мы представляем лишь малую толику помещённого в этой книге.

Среди авторов как профессиональные известные поэты России и ДНР,

так и жители Донбасса и даже дети. Представленная ими война, которую они не просто наблюдали, а жили в её ужасах ежедневно, еженощно, ежесекундно, сделала душевный накал книги таким высоким, что оставить равнодушным не может никого.

Бьёт война тебя в центр и околицы,
Моя Горловка, моя горлица.
По домам, по деревьям-веточкам
Да по жёнам и малым деточкам.
Бьёт война по надеждам и чаяньям,
Бьёт по душам тупым отчаяньем...

В сборнике, кроме стихов, есть и высказывания жителей в соцсетях. Иногда это просто спокойное повествование, и именно поэтому дыбом встают волосы, и хочется закричать: «Люди, услышьте!». Вот примеры:

«Рядом почему-то хнычет маленький школьник.

– Ты чего плачешь? – поинтересовалась я.

– Я не успел раскрасить плакат. Я не успел..., – продолжал бубнить он и вытирать слезы, текущие по щекам и тут

же превращающиеся в тонкие ледяные корочки от мороза...

Мимолетом глянула на кусок ватмана в руках мальчишки, и сердце сжалось от запредельной боли. «Я не сепаратист. Я Миша», – бегло прочла я...».

Во вступительной статье Наталией Чернецкой сказано, что книга «посвящается родному Донецку и жителям, не предавшим его».

Это надо читать. Это надо почувствовать. Это надо запомнить.

М. Авинова

КТО НОВОРОСС?

За путь в Европу зверская стрельба,
Уничтожают всех, кто не согласен.
Убийцам улыбается судьба,
Им обещало Министерство Басен
Клочок земли, в придачу - два раба.

Но раб ужасен, жутко одонбассен,
Своих детей он прячет в погреб, -
Он не согласен с участью раба,
Он восстаёт, и в битве он опасен,
Донбасс - угроза Министерству Басен!

Откуда появился новоросс?
Смешной вопрос! Ответ прозрачно ясен.
Зерном на тех клочках земли пророс,
На тех клочках, которые всерьёз
Пообещало Министерство Басен
Убийцам всех, кто содохнуть не

согласен!
Права на Жизнь - единственная суть.
Всё остальное - Министерство Басен.
Кто новоросс? Кто содохнуть не согласен,
Права на Жизнь - его законный путь.
А кто стреляет новороссу в грудь?
Кто Министерством Басен околбасен!

Юнна Мориц

МОЙ ГОРОД ОХРИП ОТ МОЛИТВ...

Мой город охрип от молитв,
мой город оглох от бомбёжек,
мой город сегодня безлик...
Прошу, защити его, Боже!

Голодный, как брошенный пёс,
и часто дрожит от озноба

мой город, уставший от слёз,
ещё уповает на Бога.

Калека, бессильный на вид,
но тлеет в нём дух поколений.
Мой город стоит на крови...
За то, что не встал на колени...

Екатерина Ромащук

МОЯ ГОРЛОВКА...

Бьёт война тебя в центр и околицы
Моя Горловка, моя горлица.
По домам, по деревьям – веточкам
Да по женам и малым деточкам.
Бьёт война по надеждам и чаяньям,
Бьёт по душам тупым отчаяньем
Чтобы стала руиной, уродиной
Моя Горловка, моя Родина.

Бьёт до смерти, без чести, без меры.
 Бьёт за правду и бьёт за веру.
 И зубами держит за горлышко
 Мою Горловку, моё солнышко.
 Но не знает война проклятая –
 Ты прекрасна, даже распятая.
 Ты пред Господом душами свечка
 До последнего человека.
 Мы сроднились хлебом, водою,
 Болью общею и бедою,
 Страшным часом войны-распятыя
 Мы донбасские сестры и братья.
 Брат за брата станет стеною
 Не склонится перед войною.
 Жизнь теряем, дома и одежды.
 Не теряем любви и надежды.
 Свято верим – Донбасс отстроится,
 Одеялом садов укроется.
 Возродим до последней околицы
 Город Горловку. Душу-горлицу.

Ирина Вязовая-Быковская

ПАПА, МЕНЯ УБЬЮТ

– Папа, меня убьют,
 как маму утром убили?

Вновь миномёты бьют,
 по городу рыщут мины...

– Папа, зачем война?
 Разве все люди плохие?
 – Не стой, сынок, у окна!
 Мины, они такие,
 Дети иль старики,
 Им всё равно... железки...
 И отойди от доски!
 Спрячься за мной!.. Не тесно?

– Папа, ты не уйдёшь
 туда, где так близко танки?
 Слышишь, кажется, дождь...
 Воды бы...Разбилась банка...
 Папа! Ты не молчи!
 Мне страшно, ты слышишь,
 страшно!..

Плачет мальчик в ночи...
 Обстрел был сегодня дважды...

Татьяна Гирич

* * *

Ангелы..., встречайте... я – Полина...
 И меня... убила... Украина...
 Пьяные... оружие скоты...

Раздавили танками мечты...
 Больше нет меня на свете этом...
 Не гулять с подружками мне летом...
 Улетает в высь моя душа...
 Жаль... ведь жизнь была так хороша...

Я ведь только начинала жить...,
 Как же просто... взять... и всё убить... .
 Армия пришла... нас защищать?...
 Нет... пришли вы... грабить ...,
 убивать... .

Армия... – обдолбанные твари...
 С собственным народом воевали... ,
 Вы ж считаете единою страну...,
 С кем тогда ... ведёте вы войну...?

Сколько нас уйдёт навечно ввысь...,
 Чтоб уже вы крови напились?...
 Зло идёт..., пирует на планете...,
 Нет прощенья..., если гибнут дети...!

Автор неизвестен

АНГЕЛЫ ВОЙНЫ

У жизни не берем взаймы,
 Ей отдаем все без остатка.
 Нет, не солдаты мы, мы ангелы войны,
 Мужчины не из робкого десятка.

На свете зло от Сатаны,
 А мир и правда – те от Бога.
 Нет, не солдаты мы, мы ангелы войны,
 У нас своя, тяжелая дорога.

Мы за собой не чувствуем вины:
 Забрал чужую жизнь – свою отдай.
 Нет, не солдаты мы, мы ангелы войны –
 Живем в аду и нам не надо в рай.

Михаил Кокорев

* * *

Когда подует ветер перемен,
 Снимая с неба траурную ленту,
 Донбасс опять поднимется с колен.
 Готовьтесь, люди, к этому моменту...
 По улицам, разорванным войной,
 Где жили наши прадеды и деды,
 Народ пройдет недрогнувшей стеной.
 Запомнит город этот марш Победы...
 И будут слезы счастья на глазах,
 Совсем как в старых песнях
 позабытых,
 Аллеи, утонувшие в цветах,

Молчания минуты по убитым,
 Взлетающие стаи голубей,
 Как флердоранжа белые соцветия,
 И лица – лица светлые людей,
 Смеющиеся взрослые и дети,
 Сидящие на лавках старики,
 Влюбленные, гуляющие в скверах...
 Как тут соседу не пожать руки,
 Не хлопать, не кричать, не зная меры?
 Да, будет трудно, как тут ни крути,
 Нарушен быт, но жизнь дана взамен,
 И нам с Донецком будет по пути,
 Когда подует ветер перемен...

Алина Баева

* * *

Украинской поэтессе, написавшей:
 «Никогда мы не будем братьями...»
 Эх, дурашка ведомая -
 Рот обиженной гузкой.
 Коль такая «свидомая»,
 Что ж рифмуешь по-русски?

Обложив нас проклятьями,
 Млеешь перед европами...
 Не хотите быть братьями,
 Оставайтесь холопами!

Юрий Поляков

* * *

Во сне заплакал переживший
 Хиросиму,
 Во всем квартале послетали
 занавески,
 Когда рвануло у свидомого Максима
 Пукан при получении повестки.

Он продал дом, ЛуАЗик и корову,
 Затер все сообщения «Вконтакте»,
 И вот уже на полпути к Ростову,
 Он по ночам идет по школьной карте.

Нужна ему война как зайцу грыжа,
 Сказал бы больше – вышло
 нецензурней.
 Однометно стал Максим на лыжи,
 Зимой в окопы? Поищите дурней!

Забыто «Москоляку на гиялку»,
 И прыгать лень, отбило всю охоту,
 И страшно за свою, родную сраку,
 Максим не хочет в украинскую
 пехоту.

Автор неизвестен

Динкино утро

– Динка!
Нет ответа.
– Динка, подъём!
Ответа нет.
– Динка, вставай! В школу опоздаешь!
– Угу...
Через пять минут.
– Динка, ты встала?!
– Угу...
Ещё через пять минут.
– Динка!! Ты ещё спишь?! Ну что за несносный ребёнок! С вечера не уложишь, утром не подынешь! А ну-ка, давай вставай!
Над подушкой приподнимается лохматая голова.
– Да вставаю я, вставаю...
Папа, собиравшийся уже выходить из комнаты, останавливается в дверях.
– Что-что ты делаешь?
Динка садится на кровати и сладко зевает.
– Вста-аваю...
– Так, – папа возвращается обратно и останавливается над Динкой. – Ну-ка, дочь моя, скажи-ка мне, пожалуйста, как будет правильно: «я встаю» или «я вставаю»?
Динка приоткрывает один глаз, но глаз тут же закрывается обратно.
– Да знаю я, – сонно бурчит она.
– Ну, раз знаешь, тогда скажи, – не отстаёт папа.
Динка открывает оба глаза, недовольно смотрит на папу, потом снова закрывает глаза, опускает голову и какое-то время сидит, посапывая.

– Ну?! – не выдерживает папа.
Динка вздрагивает и распахивает глаза.
– А?!
– Я тебя, кажется, спросил, как правильно будет «я встаю» или «я вставаю»? – терпеливо повторяет папа.
Динка сердито сопит.
– Правильно будет, – наконец говорит она, – если я ещё немножко посплю! – после чего падает головой на подушку и натягивает на себя одеяло.
– Ах, так! – говорит папа. – Ну, тогда держись!
Он сдёргивает с Динки одеяло, хватая её в охапку, забрасывает себе на плечо и несёт к ванной комнате. Динка не сопротивляется. Она висит на папином плече, совершенно как тряпичная кукла. Дверь в ванную закрывается. Слышится плеск воды, и тут же раздаются истошные Динкины вопли.
– Ой!.. Всё!.. Не надо! Я уже проснулась!.. Да проснулась я!.. Ой, мамочка! Не надо!.. Да всё уже, всё!

Дверь открывается, и из ванной бодрым шагом выходит папа. Следом в дверь протискивается завёрнутая в полотенце Динка и шлёпает босыми ногами в свою комнату.

– Две минуты на одевание, – говорит ей вслед папа, – а потом будем делать зарядку.

Динка входит в свою комнату, садится на краешек кровати и горестно вздыхает.

В дверь заглядывает мама.

– Ну что, Динка, досталось? – сочувственно спрашивает она. – Строгий у тебя папка?

Динка смотрит на маму из-под мо-

Владимир Юринов

г. Андреаполь

По профессии – летчик-истребитель, военный пенсионер. Поэт, бард, активно «пробует себя в суровой прозе» (автор двух книг прозы: «Дверца в стене» и «На картах не значится»). Член Тверского сообщества писателей и Областной творческой ассоциации «Содружество литераторов Верхневолжья».

крой чёлки.

– Уж какой есть, – сердито отвечает она. – Это у тебя, мамочка, выбор был. А мне уж что досталось, то досталось...

– Одна минута! – доносится из соседней комнаты папин голос.

Динка опять вздыхает и тянется за колготками.

Летний блюз

Дождик капает лениво
На серебряные ивы,
На зеленый шелк травы,
Луговых цветов ковры.
На густой крапивы кущи,
На мальчишек вездесущих,
На березы, тополя,
На дорогу и поля.
На разлапистые клены,
На макушки лип зеленых,
На столбы и провода
С неба капает вода.
Лейся, дождик, лейся пуще,
Чтобы травы стали гуще,
Чтобы радуга дугой
Засияла над землей.
А потом упала вдруг
На дождем умытый луг.
Проросла опять в цветах
В чисто вымытых садах.

Людмила Леоненкова, г. Белый

Ох! Дождь сегодня словно тать
Исподтишка почал хлестать
(он так безжалостен и глух)
По головам седых старух
И старцев, алчущих тепла.
Прикрылась ветками ветла...
И тем досталось, кто моложе.
Наотмашь лупит да по роже.
Ой, извините, по лицу
Тому, к примеру, молодцу,
Что всех по матери-отцу костит.
Да, ладно. Бог его простит.
Ведь дождь безжалостен и кос,
И заливает мой покос.

Светлана Большенкова,
г. Нелидово

«Водичка, водичка,
умой моё личко,» –
под ливень кипучий
кидались в трусишках
девчушки, мальчишки,
желанья озвучив.

Босая ватага,
проверив отвагу,
собою гордилась,
стучала зубами
и в старенькой бане
в одежки рядилась.

Ах, где это лето?!
Столетье отпето.
Другое, крутое
стоит на пороге.
Но ливень в дороге –
под деревом стоя,
шепчу, как в те годы,
в лицо непогоды:

«Чтоб глазки блестели,
Чтоб ножки не млели,
чтоб ветхое тело
вновь птицей летело».

Маргарита Петрова,
г. Андреаполь

Божьи люди

МИША БОЛЬШОЙ

божий человек - дурак, блаженнейший, юродивый, христов человек, юрод, дурачок, юродивец, блаженный
(Словарь синонимов)

Его нет на свете уже больше десяти лет, но если вспоминаешь старый Андреаполь, непременно в памяти возникнет и эта двухметровая нескладная фигура в форменной шинели – то милицейской, то офицерской, какая на то или иное время нашлась в наличии по размеру. Картинка держится накрепко не только в моей памяти.

Я вспоминаю андреапольский вокзал – забыть об этом просто невозможно. Он был для нас началом всех начал. И сердце билось радостно-тревожно. Казалось, места оживленной нет: высокое крыльцо, открыты двери, киоск, два зала, касса и буфет... И Миша-дурачок в своей шинели.

Этот отрывок из стихотворения андреапольской уроженки Татьяны Булкиной, теперь живущей далеко от дома, подтверждает и мои ощущения: образ города нашей молодости неотделим от образа Миши Большого. Стихотворение, опубликованное в местной газете, тронуло многие сердца именно благодаря этому небольшому штриху.

Хорошо его знавшие никогда не называли этого взрослого ребенка дурачком. Мишу любили. Особенно в том дворе и доме на улице Театральной, где он жил. А дом был не из простых. «Известковский», с особым намеком на его непростой коллективный характер, отзывались о нем андреапольцы. Нелегкий труд на известковом заводе не располагал здешних жильцов к излишним сантиментам и нежностям. Но и к подлости тоже. Люди были сдержанны и суровы, но справедливы и не злы.

И жили как-то одним коллективом. Делились с соседями продуктами в несытое время, хотя у самих бывало негусто. Делили горе и радости. Случались, конечно, и ссоры. И какие громкие! Но как вскипали моментально, так и прекращались. Долгое зло не копилось, во вражду не превращалось, и соседки,

ещё утром наступавшие друг на друга грудью вперед с руганью и грозными предостережениями, вечером уже выходили во двор посидеть на лавочке. Дружно беседовали, пели песни, а тетя Груша, накинув платок на статные плечи, выдавала свою коронную «Цыганочку с выходом». Если вдруг не досчитывались на музыкальных посиделках одной из соседок, первой бежала взглянуть, все ли с ней в порядке, именно та, с которой накануне вдрызг разругались, приговаривая тревожно: «Ой, что-то Ньюрки нету».

И тут же во дворе крутились ребятишки. В их дружной кучке далеко была видна Мишина голова. Поскупившись на интеллект, внешностью его природа не обделила: был черноволос, кучеряв, подтянут. И чрезвычайно высокий рост его не портил. Отсталость ума на его доброжелательном и всегда улыбочивом лице просматривалась так уж явно. Иногородние, видевшие шагавшего по городу высокого человека в форменной одежде, замечали, впрочем, некоторую необычность в его облике, говоря: «Милиционер у вас какой-то чудной». Не более того, ведь в разговор они с ним не вступали. А кое-кто вспоминал «Дядю Степу» из стихотворения Михалкова.

Сколько ему было лет, вряд ли точно знали соседи. Это не имело значения. Он был рожден вечным ребенком. Долго не говорил совсем, потом освоил кое-какие слова. Запас их был чрезвычайно мал, он научился строить лишь простые фразы, но понимал все. Дворовые ребятишки никогда над ним не смеялись. Не из страха, нет. Этот великан отличался добрейшим характером. На него соседи оставляли своих детей, когда некуда было их пристроить, и были уверены, что с Мишей их чаду будет хорошо. И Миша старался, как мог.

Как радовалась за него дворовая ребятня, когда он смог все-таки выговорить долго не дававшееся ему имя Надя. Когда играли в салочки, малыши, пользующиеся его особыми симпатиями, бежали в минуту опасности быть «запятнанными» к нему. Он с

Маргарита Петрова

г. Андреаполь

Председатель межрайонного творческого объединения «Западный форпост», член Союза журналистов России, Тверского содружества писателей, Областной творческой ассоциации «Содружество литераторов Верхневолжья».

веселым смехом поднимал любимчика высоко над головой, чтобы не достали. И никто никогда не упрекал Мишу в этом, не сердился на него. Всё принималось, как должное.

Коммунальный их дом людей вмещал много, в трехкомнатной квартире жили три семьи. Общая кухня скорее объединяла, чем доставляла неудобства. Миша жил с матерью. Тетя Рюша выделялась среди прочих своей мудростью. В дворовые дразги, если они случались, не встревала. И дурного о людях никогда не говорила, все её речи были только по делу. Одного из сыновей у неё отняла война. Муж умер рано, дом на Театральной его не помнил.

Понимая, что второму её сыну придется когда-то жить без неё, мать приучала его к самостоятельности, насколько это было возможно. Миша умел истопить печь, сварить картошку в мундире, прибраться в квартире, понимал, что тело и одежда должны быть чистыми. По возможности он работал. Часто помогал маме на заводе, толкая по рельсам тяжелые вагонетки с из-

вестняком в печь. Умел колоть дрова. Иногда это приносило в семью дополнительные деньги. Мать он любил и берег, в холодный день спешил, например, накинуть фуфаячку ей на плечи. И делал это так заботливо, что иные женщины даже завидовали ей.

В начале семидесятых мамы не стало. Соседи были уверены, что такая рассудительная женщина наверняка оставила для сына какие-то средства. Скорее всего, передала их родственникам. Пусть дальние, но они существовали, и пенсию Мишину стали получать после материнской смерти как опекуны. Поэтому дом не сразу заметил его бедственное положение. Первой спохватилась Регина, дочка которой тетя Рюша и Миша нянчили в свое время. Заметила Мишину худобу и то, как он моментально проглатывал их случайные гостинцы.

Забили тревогу. Пошли по инстанциям, добились того, что пенсию Миша стал получать сам. С питанием вопрос решили так: он был прикреплен к общепитовской столовой, куда и ходил три раза в день. Директор леспромхоза Владимир Иванович Синепушкин, с которым Михаил любил публично здороваться за руку, как с равным, разрешил ему ходить еще и в столовую своего предприятия. Кормили парня и

в столовой совхоза «Андреапольский». Поскольку усвоить порядок и систему кормежки по дням недели Мише было сложно, он иногда обходил все столовые в один день. Сердобольные повара не давали ему от ворот поворот, и бывал он теперь сыт и вполне доволен жизнью. А вечерами любил посидеть с бабами на скамеечке своего двора. Друзья его детства выросли, да и Михаила детские игры интересовать перестали.

Но грянули девяностые. То время перемололо не одного здорового и разумного. Куда уж было выстоять и приспособиться к нему доброму простоватому андреапольскому «дяде Степе». Общественное питание прекратило свое существование. Получать продукты по талонам он еще сумел, но что с ними делать не знал. Та же Регина заметила, что он по доброте душевной раздаёт макароны чужим людям прямо на улице, а те с готовностью принимают неожиданный дар. Народ всякий был, иногда и в магазинах обсчитывали. «Как рука только поднимается», – возмущались соседи, которым Миша протягивал на ладони для контроля сдачу, явно малую.

Стала Регина варить макароны для соседа сама, узнав, что он не умеет это делать. И если при варке она добавля-

ла маленькие кусочки сала, которые и разглядеть было трудно, Миша бывал доволен несказанно: «Рена, сало! Ух!», – восклицал он одобрительно, угадывая продукт больше по запаху. Крупному мужчине такого варева было недостаточно. Но дом на Театральной, как и вся Россия в те годы, сидел на голодном пайке. Зарплату иногда не получали по полгода, едва сводили концы с концами. И опять же соседи начали хлопотать о том, чтобы определить его в районный Дом престарелых.

Все получилось. Но через недолгое время Михаил опять появился в родном дворе. Он тосковал по дому страшно. И, отправившись в неблизкий путь пешком, добрался-таки до родного порога. Соседи еле убедили Мишу Большого, поседевшего и постаревшего, вернуться в дом, приютивший его.

Там он и умер. Не стар еще был. Кто-то говорил, что онкология стала тому причиной, кто-то уверял, что скончался он от тоски.

Ушел, но не канул бесследно в памяти горожан. Что-то для них значил этот странный большой и доверчивый вечный ребенок. Наверное, по нему, как по лакмусовой бумажке, определяли они истинные достоинства и людей окружающих, и свои собственные.

На перроне

Отец мой, оптимист и весельчак по натуре, был к тому же очень деятельным, находчивым и общительным. А это значит, что ни одно событие или происшествие, свидетелем которого он оказывался, не проходило без его участия. Моей осторожной и рассудительной маме порой приходилось урезонивать его, когда она понимала, что уровень опасности превышает все допустимые границы. Ну как тут не испугаться, если однажды во время пожара, случившегося у соседей, смельчак тут же ринулся под горящие обломки спасать людей... А мне на всю жизнь запомнилась наша поездка в Москву на летних каникулах. Училась я тогда в классе шестом. Навсегда в памяти нагретый июньским солнцем перрон, и сбоку – тёмное нутро подземного туннеля, откуда вот-вот на божий свет должна была появиться

электричка. Вдруг толпа как-то странно заволновалась, послышались голоса: «Смотрите, смотрите! Женщина на рельсах!» И правда, внизу металась в страхе девушка, даже уцепиться за спасительный край платформы она не могла: было слишком высоко. Люди застыли в растерянности, и тут мой отец, не мешкая ни секунды (уже слышался гул мчавшейся к станции электрички), рванул на выручку несчастной. Лёг, свесившись грудью в проём, схватил девушку за протянутые руки и с силой выдернул её наверх. По-моему, бедняжка даже не соображала в тот момент, что с ней происходит, какой опасности избежала. Да и не было времени разбираться, потому что все (и мы в том числе) ринулись в подошедшую электричку. И только когда поезд тронулся, я разжала крепко стиснутые кулачки и перестала дрожать. Так переживала...

Светлана Виноградова

г. Нелидово

ПЕРЕКЛИЧКА

«Приключения стиха-подкидыша»

Предлагаем вниманию читателей «Западного форпоста» очередную перекличку. На сей раз началом её послужило стихотворение, недавно написанное Светланой Большенковой из Нелидова. Затем и другие наши авторы подхватили этот сюжет, раскрыв его по-своему. Ну, а что из этого получилось в итоге – судить вам!

Слог несовершенный.
Рифма подкачала.
Стих мой словно лодка
Бьется у причала.
Плавится на солнце.
Обмерзает в стужу.
Стих мой, как подкидыш,
Никому не нужен.
Ни Петру, ни Рите.
Игорю тем паче.
Обо мне соседки
Во дворе судачат.
Вот, мол, баба-дура.
Как в такие лета
Хвастаться стихами,
Что не все пропето?!
...слог несовершенный.
Рифма подкачала.
Вот запью с получки!..
После – все сначала...

Светлана Большенкова

НА УЖИН

Не расстраивайся, Света,
мы ведь сами все поэты.
Тут такая незадача:
понимаешь, как на грех,
в поле, в поезде, на даче
нам совсем не до потех.

Вижу, пишешь: «стих-подкидыш»,
что тут на-гора не выдашь:
закружатся рифмы роем,
и пошел ловить флюиды,
стихоплет – он так устроен.
Ну, какие тут обиды!

Под столом бумаги ворох,
за стеной давно уснули,
день истёк, пусты кастрюли...
Стих мне твой, конечно, дорог.
Мне твой стих, бесспорно, нужен,
он ведь у меня на ужин.

Маргарита Петрова

НЕТ ПОВЕСТИ
ПЕЧАЛЬНЕЕ О СВЕТЕ....

Не далась бы блажи,
не бывать бы лиху, -
что теперь ни скажет,
всё в размер и рифму.

Хмурятся соседи,
ставят в церкви свечи:
видно, крыша едет,
разве это лечат?!

Мало кто рискует
говорить со Светой, -
если зарифмует,
то к добру ли это?!

Хоть башку на плаху,
повести нет горше:
в огороде прахом,
с мужиком, как с Польшей.

Не живу, а брежу:
кто поможет с лихом –
Петя, Рита, Игорь?!!!!
...
там проблемы те же,
и оттуда – тихо...

Петр Бобунов

Твой слог пусть и несовершенный,
Света,
Волнует мою пламенную кровь.
Хочу в ту лодку, чтобы до рассвета
Внимать воздушной рифме вновь и
вновь.

Извергнется подкидыш – ну так что
же?

Не убивайся и не унывай!
Бросать своё дитя никак негоже
Ты никому его не отдавай!

Ни Рите, Игорьку, ни даже Пете
Твоих терзаний не дано понять.
Забытая тобой, одна на свете,
Лишь я могу утешить и принять!

А как получишь в августе зарплату,
Бутылочку возьми и на меня.
Завоет с нами в голос пёс патлатый
На привязи у старого плетня.

Светлана Виноградова

То не ветер взвился,
Не вспорхнула осень –
Стих на свет явился
И приюта просит,

Простирая длани,
Строчки навевая,
то шепча Светлане,
То к Петру взывая.

Зря бродяга плачет:
Двери их закрыты.
Заперто, тем паче,
И у Маргариты.

У неё в кастрюле
Поспевает ужин.
Стих – что снег в июле,
Никому не нужен.

Слякотно скитаться
В роковой юдоли.
Позову страдальца:
«Заходи-ка, что ли!

Штормы надоели?
Это мне знакомо!
Вымотали мели?
Подгребай-ка к дому.

Лодка подкачала?
Рифмой подкачаем!
Только ты сначала
Отогрейся чаем.

Не шути с волною,
Не гуляй по крышам –
Погрусти со мною...
...мы тебя допишем.»

Игорь Столяров